

Большинство из тех, кто наносит визиты Ниро Вулфу согласно предварительной договоренности, в особенности если они приезжают из такого далека, как Небраска, имеют, как правило, озабоченный вид. Однако у сегодняшнего посетителя вид был вполне нормальный. Перед нами сидел гладко выбритый мужчина, с живыми карими глазами и прямо очерченным ртом, выглядевший моложе своих лет. (Я-то уже знал, что ему шестьдесят один.) Когда в понедельник днем пришла телеграмма от Джеймса Р. Хэролда — Омаха, Небраска — с просьбой о встрече, я, разумеется, навел о нем кое-какие справки. Выяснилось, что он единственный владелец компании скобяных изделий «Хэролд», торгующей оптом, что он очень уважаемый человек и имеет на своем текущем счету более полумиллиона долларов. Последнее, разумеется, могло сулить нам солидный гонорар, если джент-

льмен на самом деле оказался в щекотливом положении. И вот теперь, взглянув на него, я, признаться, был разочарован. Судя по внешнему виду, можно было подумать, что он попросту приехал проконсультироваться относительно обрезки кустов орхидей. Сейчас этот тип удобно развалился в красном кожаном кресле.

— Кажется, мне стоит объяснить, почему мой выбор пал именно на вас, — начал он.

— Как хотите, — буркнул Вулф. В течение получаса после ленча он обычно не разговаривает, а бурчит.

Хэролд закинул ногу на ногу.

— Это касается моего сына. Я хочу найти своего сына. Примерно месяц назад я поместил в нью-йоркских газетах объявления, связался с полицией, а также... Вы что-то скажали?

— Ничего. Я вас слушаю.

Как бы не так. Вулф скорчил гримасу. Сие означало, что если здесь не пахнет хорошим гонораром, то Хэролд может убраться ко всем чертям. Одному из наших клиентов, употребившему вместо словосочетания «установить контакт» словечко «контактировать», пришлось выложить лишнюю тысячу долларов, хотя он об этом не узнал.

Хэролда, похоже, обуревали сомнения, однако он отмел их.

— Понимаю. Вы не любите совать нос в дело, которым занимается полиция. Но здесь не тот случай. Я имел дело с Бюро по розыску пропавших людей, с неким лейтенантом по фамилии Мэрфи, а до этого еще давал объявления в «Скандальной хронике». Абсолютно безрезультатно. Наконец моя жена окончательно потеряла терпение, села мне на голову, и я позвонил из Омахи лейтенанту Мэрфи, сказал ему, что хочу нанять частного детектива, и попросил кого-нибудь мне порекомендовать. Он начал было меня отговаривать, я же, стоит мне чего-то захотеть, всегда стою на своем. Я добил его, и он рекомендовал мне вас. Он добавил также, что в делах подобного рода от вас мало проку, потому что вы слишком толстый и ленивый, но у вас есть двое служащих — Арчи Гудвин и Сол Пензер, непревзойденные виртуозы. Вот я и послал вам телеграмму с просьбой о встрече.

Вулф издал звук, похожий на фыркanye, и указал пальцем на меня:

— Это мистер Гудвин. Ему все и сообщите.

— Он работает у вас, не так ли?

— Да. Мой доверенный помощник.

— В таком случае я скажу все вам. Привык иметь дело с начальством. Пол — мой единственный сын, еще у меня есть две дочки. Когда он прошел курс в университете штата Небраска, я приобщил его к оптовой торговле скобяными товарами. Это было одиннадцать лет назад. Он был неуправляем, когда учился в университете, и я решил, что, почуяв себя в упряжке, парень умерит норов. Куда там! Он украл двадцать шесть тысяч долларов из кассы фирмы, и я выгнал его в три шеи. — Хэролд поджал свой тонкие губы. — И с работы, и из дома. Он уехал из Омахи — я его больше никогда не видел. И не хотел видеть, но теперь хочу, и моя жена хочет. Месяц назад, восьмого марта, я узнал, что он не брал денег. Я узнал, кто их взял, что было целиком и полностью доказано. Разумеется, вору воздастся по заслугам, а я бы хотел разыскать своего сына.

Он вытащил из кармана большой конверт, что-то из него достал и поднялся из кресла.

— Это его фотография, последняя из тех, какие у меня есть. — Одну из них он протянул мне. — Здесь шесть экземпляров, я могу сделать еще. — Он вернулся на свое место. — С парнем поступили несправедливо, и я хотел бы загладить свою вину. Мне не за что перед

ним извиняться, поскольку в ту пору у меня на руках были доказательства, что деньги взял он, теперь же я знаю, что не он, и поэтому хотел бы его найти. Жена прямо-таки горит от нетерпения повидать сыночка.

На фотографии был запечатлен круглощекий юнец в академической шапочке, мантии и с прыщами на подбородке, видимо очень добрый. Никакого заметного сходства с папашей, который не проявлял никаких признаков сентиментальности. То ли умел держать себя в руках, то ли попросту в его жилах текла рыба кровь. Я был склонен думать, что последнее больше соответствует действительности. Жена заставила его начать розыски, а то бы он и не чихнул.

Вулф положил фотографию на стол.

— Вы уверены, что он в Нью-Йорке? Но почему, позвольте спросить?

— Потому что жена и обе дочки каждый год в день рождения получают от него открытки — специальные поздравительные открытки. Я подозреваю, что жена все это время с ним переписывалась, хотя она и отрицает. Она говорит, что с удовольствием переписывалась бы, но он не дал ей адреса, присылал только открытки, и на всех стоял почтовый штемпель Нью-Йорка.

— Когда пришла последняя?

— Девятнадцатого ноября, меньше чем пять месяцев назад. В день рождения моей дочери Марджори. И тоже из Нью-Йорка.

— Что-нибудь еще? Кто-нибудь видел его здесь?

— Не знаю.

— Полиции удалось найти какие-нибудь факты?

— Ровным счетом ничего. Но я не жалуясь. Похоже, они старались, но в таком громадном городе, как Нью-Йорк, у них по горло других дел. Я уверен, что одиннадцать лет назад сын приехал сюда поездом из Омахи, но я не могу подтвердить это фактами. В полиции моим делом занимались несколько человек, целую неделю занимались, по крайней мере, они мне так сказали, сейчас же, думаю, уже никто не занимается. Я послушался жену и решил сам предпринять решительные шаги. Разумеется, в ущерб своему бизнесу.

— Этого мне мало, — сухо заметил Вулф. Он тоже, вероятно, остановился на версии рыбьей крови. — И что, объявления в газетах не дали никаких результатов?

— Никаких. Я получил письма от пяти сыскных агентств с предложениями услуг, дюжины две посланий от психов и самозванцев.

Полиция ими занималась, но все оказалось липой.

— Каким образом были составлены ваши объявления?

— Я сам их писал. Они все были одинаковы.

Хэролд вытащил из нагрудного кармана большой кожаный бумажник, порылся в нем и извлек газетную вырезку. Повернувшись лицом к свету, стал читать:

— «Пол Хэролд, уехавший из Омахи, штат Небраска, узнает кое-что выгодное для себя, если немедленно свяжется с отцом. Стало известно, что произошла ошибка. Того, кому попадетсЯ на глаза это объявление и кто знает что-нибудь относительно местонахождения вышеназванного Пола Хэролда в данный момент либо в течение последних десяти лет, просим связаться с автором объявления за приличное вознаграждение». Я поместил его в пяти нью-йоркских газетах. — Он засунул вырезку в бумажник, а бумажник в карман. — В общей сложности объявление появлялось тридцать раз. Столько денег выброшено на ветер! Мне не жаль денег, мне жаль выбрасывать их на ветер.

Вулф хрюкнул:

— Лучше бы вы потратили их на меня или мистера Гудвина и мистера Пензера. Ваш сын

по прибытии в Нью-Йорк мог сменить фамилию, что очень даже вероятно, поэтому неудивительно, что ни полиция, ни эти объявления не помогли вам напасть на его след. А вы не знаете, при нем был багаж, когда он уезжал из Омахи?

— Да. Он забрал всю свою одежду и кое-что из личных вещей. При нем были чемодан, кейс и сумка.

— Какие-нибудь из этих вещей были помечены его инициалами?

— Инициалами? — Хэролд нахмурился. — М-м-м... Да, конечно, чемодан и кейс. Подарки матери. То есть моей жены. А вам зачем знать?

— Только П.Х. или еще второе имя?

— Нет у него никакого второго имени. Просто П.Х. Зачем вам?

— Если он сменил имя и фамилию, вероятно, ему было удобней во всех отношениях, чтобы они тоже начинались с П.Х. Существует десять тысяч вариантов расшифровки этих инициалов. Так что, мистер Хэролд, если даже мы с вами остановимся на этом самом П.Х., нам предстоит сложная и утомительная работа, плюс ко всему следует принять во внимание тот факт, что ваш сын не желает себя обнаруживать, раз все ваши объ-

явления выстрелили вхолостую. Думаю, вам лучше оставить свою затею.

— Вы хотите сказать, что я должен прекратить поиски?

— Да.

— Но я не могу... Жена и дочери... Нет, я тоже хочу его найти. Справедливость должна восторжествовать. Мальчишку нужно найти.

— И вы хотите нанять меня?

— Да. Вас, Гудвина и Пензера.

— Тогда я должен предупредить вас, что на работу могут уйти месяцы, что расходы могут оказаться весьма значительными, сумма же моего гонорара не зависит от успеха либо неуспеха работы. У меня высокие гонорары, мистер Хэролд.

— Знаю. Мне сказал лейтенант Мэрфи. — Сейчас у Хэролда был куда более озабоченный вид, чем в начале встречи. — Я могу в любое время отказаться от ваших услуг?

— Разумеется.

— Ладно. — Он набрал в легкие воздуха. — Вам нужен задаток?

— На предстоящие расходы. Более того, мне нужно знать все, что известно вам. — Вулф повернулся в мою сторону. — Арчи, блокнот.

Блокнот уже давно лежал передо мной.

Когда через час клиент ушел, а Вулф поднялся в оранжерею на полуденное заседание с Теодором и своими орхидеями, я положил в сейф чек на три тысячи долларов и сел за пишущую машинку обрабатывать свои записи. У меня получилось пять страниц фактов, парочка из которых могла пригодиться в дальнейшей работе. У Пола Хэролда был шрам на левой ноге под коленом длиной в три дюйма — результат несчастного случая в детстве. Это могло нам помочь, найди мы его со спущенными штанами. Благодаря несчастному случаю он был освобожден от службы в армии и не попал на войну. Мать называла его Пупси. Он не пропускал ни одной юбки, однажды положил глаз на свою однокурсницу Эрлин Мэйси, однако не связал себя узами Гименея. Насколько было известно нашему клиенту, уехав на восток, Пол не поддерживал связей ни с одной из своих бывших подружек. Он специализировался на социологии, однако у отца были весьма туманные представления об университетских делах сына. В течение двух лет юнец брал уроки игры на скрипке, потом продал ее за двадцать долларов, за что получил нагоняй. Несмотря на большую коленку, пытался играть в футбол, но в команду не попал. Дважды принимал участие в бейсбольных

матчах против «Канзаса». Это все, что касается спорта. Курит и пьет в меру. Что касается его пристрастий к азартным играм, то клиенту об этом ничего не известно. Регулярно просил деньги на карманные расходы, но до того рокового случая с пропажей денег ни в каких махинациях заподозрен не был.

И так далее, и тому подобное. Одним словом, ничего определенного. Никаких свидетельств о привязанностях, предположим, к животным или о том, что у парня было твердое намерение стать президентом Соединенных Штатов, ничего такого, что могло бы нам хотя бы чуть-чуть помочь. Если отец хорошо знал своего сына, в чем я очень сомневаюсь, то это был самый обычный ребенок, которому крепко не повезло и который сейчас превратился неизвестно во что.

От той рекламы, которую дал нам с Солом лейтенант Мэрфи из Бюро пропавших людей, нехорошо пахивало. Любой служащий полиции Нью-Йорка, начиная с самого комиссара Скиннера и заканчивая последней сошкой, с удовольствием отдал бы свой дневной заработок, чтобы стать свидетелем того, как Ниро Вулф сядет в лужу. Так что, вполне вероятно, Мэрфи, попотев целый месяц над

этим делом, сообразил, что перед ним как раз тот самый случай.

Я отправился на кухню и сказал Фрицу, что мы взялись за дело, над которым будем пыжиться два года и в итоге останемся с носом. Фриц улыбнулся и покачал головой.

— С носом в нашем доме никто никогда не останется, — решительно возразил он. — Тем более ты и мистер Вулф.

Он достал из холодильника пластмассовую коробку, поставил ее на стол и открыл крышку.

— Мерзавец, икра алозы была на ленч! — заорал я. — Ты и на обед готовишь отраву?

— Мой дорогой Арчи, — начал Фриц, превосходивший меня только в приготовлении пищи, — то было обычное соте с самой обычной подливкой из чеснока и кервеля. Теперь будет en casserole¹ с маслом из анчоуса, которое я приготовил собственноручно. Тонкие пластинки сала будут порублены с пятью травами. В сметану, в которой все будет тушиться, я добавлю три других травы и выну их только перед тем, как подать блюдо на стол. Сезон алозы очень короток, так что мистер Вулф согласен иметь ее у себя на столе три

---

¹ В кастрюле (*фр.*).

раза в день. Можешь сходить к Элу на Десятую авеню и отведать несъедобной дряни — окорока на ржаном хлебе с тушеной капустой.

При этих словах Фрица передернуло.

Между нами вспыхнул спор, однако я не стал подвергать себя риску быть выставленным к Элу и его окороку. Мы все еще продолжали спорить, когда я услышал, что Вулф спускается на лифте из своей оранжереи, и тут же безболезненно для нас обоих вышел из игры, оставив Фрица наедине с его травами.

Вулф стоял возле полок с книгами, рассматривая глобус, который был пузатее, чем он. Вероятно, хотел убедиться в том, что Омаха, штат Небраска, находится там же, где находилась всегда. Убедившись, что так оно и есть, он направился к своему столу, обошел вокруг него и опустил свою колоссальную тушу в сделанное по специальному заказу кресло.

Он вытянул шею, чтобы целиком окинуть взором ковер, закрывающий всю середину комнаты.

— Сейчас апрель, поэтому ковер у нас грязный, — изрек многомудрый Вулф. — Нужно напомнить Фрицу, чтобы отправил его в чистку, а сюда пускай постелит что-нибудь другое.

— Свежую «Таймс», — кивнул я, разглядывая Вулфа. — Но это никак не может слу-

жить темой длинного разговора. Если вам хочется избежать обсуждения проблемы Пола Хэролда, возьмите что-нибудь, связанное с Ближним Востоком.

Вулф хрюкнул.

— С чего бы мне ее избегать? Ведь лейтенант Мэрфи сказал, что это работа для вас с Солом. Ты с ним связался?

— Да. Мы хотим прикинуться новобранцами Армии спасения. Он начнет с Бэтгери и двинет на север, я начну с Ван Кортлэнд Парк и рвану в сторону юга. На Рождество мы с ним встретимся возле могилы генерала Гранта и сравним наши наблюдения. После чего возьмемся за Бруклин — там годика на три работы, не больше. Можете предложить что-нибудь поинтересней?

— Боюсь, что нет. — Вулф сделал богатырский вдох. — Похоже, дело безнадежно. Ты не знаешь, у этого лейтенанта Мэрфи есть какие-то личные причины меня ненавидеть?

— Вряд ли. Просто он служит в полиции, чего вполне достаточно.

— Пожалуй, ты прав. — Он закрыл глаза и через секунду снова их открыл. — Я должен был отказаться от этой работы. Я почти уверен, что в Нью-Йорке под именем Пола Хэролда этого парня никто не знает. Фотогра-

фии одиннадцать лет. Как наш герой выглядит сейчас? Весьма вероятно, что он не желает быть опознанным, и объявления послужили ему предостережением. Что касается поиска пропавших людей, то полиция хорошо натаскана в этом деле. Если же они после целого месяца поисков... Соедини меня с лейтенантом Мэрфи.

Я подошел к телефону, набрал номер, с трудом убедил какого-то сержанта, что, кроме Мэрфи, мне никто из их ведомства не нужен, а когда последний взял трубку, сделал знак Вулфу. Свою трубку я класть не стал.

— Лейтенант Мэрфи? Это Ниро Вулф. Сегодня днем меня посетил некто Джеймс Харолд из Омахи, Небраска, с целью нанять меня разыскать его сына Пола. Он говорит, что вы посоветовали ему обратиться ко мне. Он уверяет, что бюро уже целый месяц занимается поисками его сына. Это правда?

— Правда. Вы согласились на него работать?

— Да.

— Замечательно. Удачи вам, мистер Вулф.

— Благодарю вас. Можно поинтересоваться относительно прогресса в расследовании?

— Он равен нулю. Каждый раз выяснялось, что мы идем по ложному следу.

— Вы использовали какие-то методы, кроме рутинных?

— Смотря что называть рутинной. В этом деле все ясно: с парнем поступили несправедливо, и он обиделся. У меня им до сих пор занимается один толковый человек. Если хотите, присылайте Гудвина с письмом от Хэролда — мы с удовольствием покажем рапорты.

— Благодарю вас. У вас есть какие-нибудь предположения?

— Боюсь, что никаких. Желаю удачи.

На этот раз Вулф не стал его благодарить. Мы разом повесили трубки.

— Прекрасно, — изрек я. — Он думает, что вручил нам гремучую змею. Черт побери, а ведь он, похоже, прав. Итак, откуда начнем?

— Только не с кварталов Бэтгери, — буркнул Вулф.

— О'кей. Тогда откуда? Боюсь, все обстоит куда хуже, чем кажется. А что, если милашка Пол сам сфабриковал дельце с кражей двадцати шести кусков, чтобы сделать от папаши ноги? Неудивительно при таком родителе, а? Значит, увидев объявление, где его просят связаться с отцом, не с матерью и сестрами, а с отцом, упоминая при этом о какой-то ошибке, что он делает? Мотает как можно скорее в Перу или на Ближний Восток, тьфу, опять

этот Ближний Восток, или же идет в магазин и покупает себе пару бакенбардов. А что, идея — можно справиться во всех магазинах, торгующих бакенбардами, и если мы обнаружим...

— Замолчи. Вот тебе идея. Слушай и молтай на ус.

Я уставился на Вулфа.

— Имейте в виду, шеф, все не настолько безнадежно. Я старался поднять вам настроение и тем самым заставить работать ваши мозги. Если вы...

— Я сказал тебе — замолчи. Еще не поздно дать объявление в завтрашние газеты?

— В «Газетт» уже поздно. Быть может, успеем в «Таймс».

— Блокнот.

Если даже он спятил, я все равно еще числился у него в штате, поэтому я направился к своему столу, достал блокнот, раскрыл его на чистой странице и взял ручку.

— Там, где печатают разное, — велел он. — В две колонки по три дюйма каждая. Заголовки «Для П.Х.» большим жирным шрифтом с точками после П и Х. Далее текст помельче: «Ваша невиновность доказана, раскаиваемся по поводу совершенной несправедливости». — Он замолчал. — Измени «раскаиваем-

ся» на «сожалеем». Далее: «Не позволяйте злобе помешать торжеству справедливости». — Он снова замолк. — «Вас никто не принуждает вступать в контакт, но нужна ваша помощь в выявлении истинного преступника. Обязуюсь уважать ваше нежелание возобновлять связи, которых вы возобновлять не пожелаете». — Он поджал губы, потом кивнул. — Дальше моя фамилия, адрес и номер телефона.

— Почему бы не упомянуть мамашу? — спросил я.

— Нам неизвестно, как он к ней относится.

— Он посылает ей ко дню рождения открытки.

— А тебе известно, под влиянием какого чувства он это делает?

— Нет.

— Тогда есть доля риска. Мы можем наверняка определить лишь два чувства, владеющие им: чувство обиды за несправедливость и желание отомстить. Если же и такие у него отсутствуют, то он либо сверхчеловек, либо недочеловек. В таком случае нам никогда его не найти. Я понимаю, что стреляю наугад, да еще и по невидимой цели, и будет чудо, если я поражу цель. Есть какие-то другие соображения?

Я сказал, что добавить мне нечего, и пододвинул к себе пишущую машинку.

В черте Большого Нью-Йорка проживает, по крайней мере, сто тысяч человек, по отношению к которым была когда-то совершена несправедливость, или же они думают так; как минимум у пятидесяти инициалы П.Х., половина из них увидят это объявление, одна треть на него откликнется — трое письменно, шесть позвонят, а двое зайдут в старый аристократический особняк на Тридцать пятой Западной улице, который является собственностью Вулфа и в котором он проживает и властвует надо мной до тех самых пор, пока мне не покажется, что его власть зашла слишком далеко.

Первым откликнулся не П.Х., а Л.К. — Лон Коэн из «Газетт». Он позвонил в четверг утром и спросил о сообщении по делу Хейза. Я сказал, что мы не давали никакого сообщения по делу Хейза, на что он ответил мне коротко: враки.

— Вулф дает объявление, обращенное к П.Х., заявляя, что знает, будто тот невиновен, а ты говоришь, что вы не делали никакого сообщения, — распинался он. — Ладно, ладно.

И это после всех тех одолжений, которые я для тебя сделал! Я всего только и спрашиваю...

— Проклятье! — прервал я его сентенции. Уж мне бы следовало вспомнить, да и мистеру Вулфу тоже: ведь мы регулярно читаем газеты и знаем, что некто по имени Питер Хейз недавно был привлечен к суду по обвинению в убийстве. — Это не наш П.Х.! — кричал я в трубку.

— О'кей. Судя по всему, вы вцепились в дело мертвой хваткой, а уж коли Вулф вцепился во что-то мертвой хваткой, он никого и близко не подпустит. Но, когда вы будете готовы чуть-чуть отпустить челюсти, вспомните обо мне.

Разубеждать Лона было бесполезно, и я этого делать не стал. И Вулфу, который находился в данный момент в оранжерее на очередном заседании со своими орхидеями, звонить не стал. Какой смысл поднимать его на смех из-за того, что он упустил из виду, что человека с инициалами П.Х. в настоящий момент судят по обвинению в убийстве, — ведь и я сам начисто про это забыл.

Большую часть дня меня то и дело теребили другие П.Х. С одним из них, П. Хорганом, не было никаких проблем, ибо он заявился к

нам собственной персоной, и мне достаточно было на него взглянуть: он был значительно старше нашего клиента. Другой, тоже явившийся собственной персоной, доставил мне немало хлопот. Его звали Перри Хэттингер, и он отказывался верить, что объявление не имеет к нему никакого отношения. Когда мне наконец удалось от него избавиться и я вернулся в столовую, Вулф уже разделался с мясным пирогом, и я остался без добавки.

Что касается телефонных звонков от П.Х., то с этим было посложней — звонивших я не видел в лицо. Трех я исключил в результате длительных бесед, однако на трех других стоило посмотреть — я назначил им свидания. Отходить от телефона мне было нельзя, поэтому я позвонил Солу Пензеру, попросив его зайти за фотографией, оставленной нашим клиентом, и съездить на эти самые свидания. Разумеется, для Сола, лучшего из оперативных сыщиков с таксой в шестьдесят долларов в час, такое детское поручение показалось настоящим оскорблением, но на то была воля нашего клиента, к тому же я платил из его кармана, а не из своего и мог немного добавить.

То, что в уголовной хронике фигурировал человек, чьи инициалы тоже были П.Х., как я

и предполагал, здорово осложнило жизнь. Звонили из всех газет, в том числе и из «Таймс», две редакции командировали к нам корреспондентов, с которыми я беседовал через порог. Около полудня позвонил сержант Пэрли Стеббинс из отдела по расследованию убийств. Он жаждал переговорить с Вулфом, однако я сказал ему, что Вулф занят, и это соответствовало действительности, поскольку он потел над кроссвордом в лондонском «Обсервере». Я поинтересовался у Пэрли, не могут ли чем-либо ему помочь.

— Вы еще сроду мне ни в чем не помогли, — буркнул он, — и ваш Вулф тоже. Но раз он дает объявление в газете, в котором утверждает, что убийца невиновен и что он хочет назвать имя истинного преступника, мы должны поинтересоваться, что все это значит. Я за этим и звоню. Если он не скажет мне по телефону, я буду у него через десять минут.

— Избавьте себя от хлопот, — посоветовал я Стеббинсу. — Разумеется, вы не поверите ни одному моему слову, поэтому рекомендую вам сразу позвонить лейтенанту Мэрфи из Бюро по розыску пропавших людей. Он вам расскажет все как есть.

— Что еще за шутка?

— Все не шутка. Я бы ни за что не осме-

лился шутить с блюстителем законности. Позвоните Мэрфи. Если же его рассказ вас не удовлетворит, приходите к нам на ленч. Перуанская дыня, мясной пирог, эндивий под соусом из мартины и...

В трубке щелкнуло, раздались гудки. Я высказал Вулфу соображение, что было бы очень здорово всегда вот так легко отделываться от Стеббинса. Он скривил физиономию и поднял голову.

— Арчи...

— Да, сэр.

— Процесс над Питером Хейзом начался около двух недель назад?

— Точно, сэр.

— В «Таймс» давали его фотографию. Принеси этот номер.

Я хмыкнул.

— Сэр, мне пришла в голову подобная мысль, когда позвонил Лон, но я хорошо помню снимки этого субъекта — их давали «Газетт» и «Дейли ньюс», — и я эту мысль отбросил. Однако не помешает взглянуть еще раз.

Одна из шестнадцати тысяч моих обязанностей состоит в том, чтобы хранить подшивки «Таймс», по пять недельных номеров каждая, в шкафу за книжными полками. Я направился к шкафу, присел возле него на кор-

точках и, чихая от пыли, довольно скоро откопал то, что нам требовалось, — семнадцатую страницу газеты от 27 марта. Я быстро пробежал ее и вручил Вулфу, а сам достал из ящика стола фотографию Пола Хэролда в академической шапочке и мантии, которую тоже передал шефу. Он положил снимки рядышком и уставился на них сердитым взглядом.

Я подошел сбоку. Снимок в газете был не ахти какой, но, даже глядя на него, можно было с уверенностью сказать, что если на нем наш П.Х., то он за одиннадцать лет здорово изменился. Его круглые щеки впали, нос стал меньше, губы — тоньше, а подбородок отвис.

— Нет, — изрек Вулф. — А? Что скажешь?

— Принято единогласно, — кивнул я. — Черта с два его найдешь. Может, стоит заглянуть в суд?

— Сомневаюсь. По крайней мере, не сегодня. Ты мне нужен здесь.

Это всего лишь отсрочило агонию. В тот же день, помимо журналистов, нас навестила еще одна личность. Дело было так. Ровно через три минуты после того, как Вулф отбыл на свою ежедневную двухчасовую — от четырех до шести — встречу с орхидеями, раздался звонок в дверь, и я вышел в холл. На крыльце

стоял субъект средних лет, который явно не брился со вчерашнего утра. Он был в мокром плаще цвета древесного угля и черной фетровой шляпе последней модели. Похоже, очередной П.Х., а не журналист. Он заявил, что желает переговорить с Ниро Вулфом. На это я ответил, что Ниро Вулф занят, назвал себя и предложил свои услуги. Он замешкался.

— У меня времени в обрез, — сказал он, глянув на часы. Похоже, он был чем-то встревожен. — Меня зовут Альберт Фрейер. Я адвокат. — Он достал из кармана кожаный бумажник, вынул из него визитную карточку и вручил ее мне. — Я защитник Питера Хейза, которого судят по обвинению в убийстве первой степени. Меня ждет такси — у жюри сейчас перерыв, — и к возобновлению заседания я должен быть на своем месте. Вам что-нибудь известно относительно объявления, которое Ниро Вулф поместил в сегодняшних газетах? То, что обращено к П.Х.?

— Известно.

— Оно попало мне на глаза всего час назад. Я бы хотел спросить у Вулфа одно: ходят слухи, что оно адресовано моему клиенту Питеру Хейзу, хотелось бы знать — так это или не так?

— На ваш вопрос нетрудно ответить: нет,